BOOK REVIEW

Размышления в связи книгой Савада Кадзухико *Российские белоэмигранты в Японии и японская культура (Хаккэй роси-адзин то нихон бунка)*, Токио, Сэйбунся 2007, 391 стр.

Книга Савада Кадзухико представляет итоги многолетней работы автора по сбору и введению в научный оборот материалов, относящихся к жизни и деятельности представителей дальневосточной ветви российской послереволюционной эмиграции. Эта книга не может оставить равнодушными русских, проживающих в Японии в настоящее время, предоставляя возможность сравнить свою жизнь с жизнью соотечественников, оказавшихся в изгнании в первой половине 20 века и вселяя надежду на то, что и они сами станут когда-нибудь объектом внимания потомков.

Из краткого предисловия к книге следует, что автор стремился пролить свет на неизвестную до сих пор область истории. Одновременно он задается вопросом, почему большинство русских в конце концов покинуло Японию, уехав в другие страны (с. 2).

Основная ценность книги заключается в ее богатом фактологическом материале. Особо следует выделить две библиографии. Первая (гл. 10) состоит из перечня произведений на японском, английском, немецком и эсперанто языках, написанных самими эмигрантами, их потомками и теми, кто интересовался их жизнью. Она снабжена краткими биографическими сведениями об авторах. Вторая библиография (гл. 11) дает список книг, журнальных и газетных статей, опубликованных в Японии на русском языке с 1861 по 1988 г. Автор проделал скрупулезную работу по сбору материалов не только в Японии, но и в России, США, Чехии, Польше, Германии, Австралии.

Семь глав книги представляют собой очерки о жизни отдельных личностей или семей, об издательской деятельности русской эмиграции в Харбине, культурной жизни эмигрантов в Токио и о русских преподавателях Осацкого университета иностранных языков. Хотя упор делается на факты, в заключение каждого очерка автор высказывает некоторые собственные суждения.

BOOK REVIEW

Так, глава третья посвящена Павлу Васкевичу, который, еще будучи студентом Восточного института во Владивостоке, произвел детальное обследование района Хокурику, а потом долгое время состоял на дипломатической службе. Однако, несмотря на всю свою предприимчивость и неукротимую энергию, под конец жизни Васкевич был вынужден жить за счет материальной помощи родственников из Америки, а его общение ограничивалось узким кругом эмигрантов в Кобэ.

Очерк о Василии Шерстовитове (гл. 4) и его несколько загадочных отношениях с писателем Муроу Сайсэй рисует портрет человека, благородного духом, но очень одинокого. Очевидно, что и многим другим эмигрантам было столь же трудно приспособиться к жизни на чужбине. Для многих выход состоял в обращении к корням своей национальной идентичности, как это видно из главы, посвященной 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина. Это единение духа не означает, однако, что в среде самих эмигрантов не было разногласий.

Глава шестая, повествующая о журнале «Рубеж», совместно с главой второй ставят своей целью показать вклад и влияние российской эмиграции на японскую культуру. Среди эмигрантов было много лиц интеллектуальных профессий – музыкантов, певцов, актеров. Их деятельность, безусловно, способствовала знакомству японцев с западной культурой в ее российском варианте. Возможно, это был один из первых случаев интернационализации японского общества, осуществлявшейся помимо политики «сверху». Однако для того, чтобы действительно оценить влияние российских эмигрантов на японское общество, недостаточно просто перечислить концертные выступления или рестораны русской кухни, а необходимо рассмотреть более подробно степень внедрения эмигрантской культуры в предвоенную Японию и реакцию на нее со стороны общества в целом. Неслучайно Савада замечает, что хлеб, шоколад и европейская одежда по-настоящему вошли в повседневный быт японцев только в период американской оккупации. За этим стояла как политика властей, так и потребности самого общества.

Очерк о семье Славиных рисует картину борьбы за выживание

BOOK REVIEW

трех одаренных и мужественных женщин и сына одной из них. Этот очерк особенно убедительно показывает, как часто люди становились жертвами внешних обстоятельств, будь то стихийные бедствия или война. Как и в других местах книги, здесь поднимается вопрос о полицейском надзоре за эмигрантами, который только усугублял и без того тяжелую их жизнь.

Среди преподавателей Осацкого университета иностранных языков работали известные японисты Н. Невский и О. Плетнер (гл. 8), но они были вынуждены преподавать русский язык ради заработка. Хотя японцы, как правило, ценили их за высокопрофессиональную работу, круг их общения ограничивался профессиональными связями и семьей. Возможно, именно это побудило Невского вернуться в Россию только для того, чтобы быть вскоре расстрелянным по подозрению в шпионаже в пользу Японии. Глава девятая, повествуя о семье Люри, еще раз показывает, что чувство семейной сплоченности могло быть одним из средств выживания в японском обществе, но все же жизнь героини закончилась в Америке.

Очерки, взятые в целом, подводят к заключению о том, что выжить и добиться благополучия эмигрантам было легче на другом берегу Тихого океана. В Японии же большинство из них испытывало не только экономические трудности, но и психологический дискомфорт. Автор книги не дает окончательный ответ на вопрос, почему так происходило. Причин было много, однако представляется уместным сослаться на Дж. Клэммера, который подчеркивает, что японскому обществу «присущи искусственный механизм стратификации, ... особый акцент на эмоциональное начало в общении людей и альтернативный [западному] набор представлений о том, что составляет сущность человека»¹. В силу этого возникают различия между главенствующим большинством и меньшинствами – этническими, религиозными или профессиональными, которые воспринимаются как «другой» внутри Японии. Несмотря на глобализацию и повседневную реальность, где все больше присутствуют иностранцы, этот механизм сохраняется в коллективном бессознательном по сей день. Иностранцы же, живущие в Японии, неизбежно чувствуют незримую стену, отделяющую их от японцев. Возможно, это тоже было одной из причин, мешавших

BOOK REVIEW

ассимиляции эмигрантов в Японии.

Книга начинается с описания образов российских эмигрантов в Японии, которые сопоставляются с образами Советского Союза и советских людей. Образы для Савада являются понятием субъективным. Тем не менее, на наш взгляд, это не совсем так. Они появляются в конкретных исторических и политических обстоятельствах, отражают самоидентичность индивидуума и общества в целом, инкорпорируют стереотипические представления о «другом», но также подвержены и изменениям. Сложная проблема образа «другого» нуждается в специальном исследовании, для которого настоящая книга лишь предоставляет материал. Сопоставление образов эмигрантов с образами России советского и постсоветского периодов могло бы пролить дополнительный свет на отношения между двумя странами и их народами, а также быть использовано для выявления специфики формирования образа «другого» в Японии в целом. Образы можно рассматривать как «сухой остаток», остающийся в памяти. С этой точки зрения, настоящей главе следовало бы быть заключительной.

В целом работа Савада Кадзухиро дает ценный материал для многих будущих исследований, осуществление которых должно стать задачей коллективных работ и, возможно, не по плечу одному человеку.

Юлия Михайлова

(Хиросимский муниципальный университет)

Примечания

1. John Clammer, *Japan and Its Others*, Melbourne: Trans Pacific Press, 2001 p. 9.

П.Ю. Савельев (Отв.ред.), *Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. I: 1880-1892 гг.*, Москва 2006, 572стр.

В 2003 г. Российский государственный архив социально-политической истории выступил с инициативой выпуска серии документальных публикаций «Памятники общественной мысли России», в рамках которой можно было бы издать мемуары, дневники, переписку и